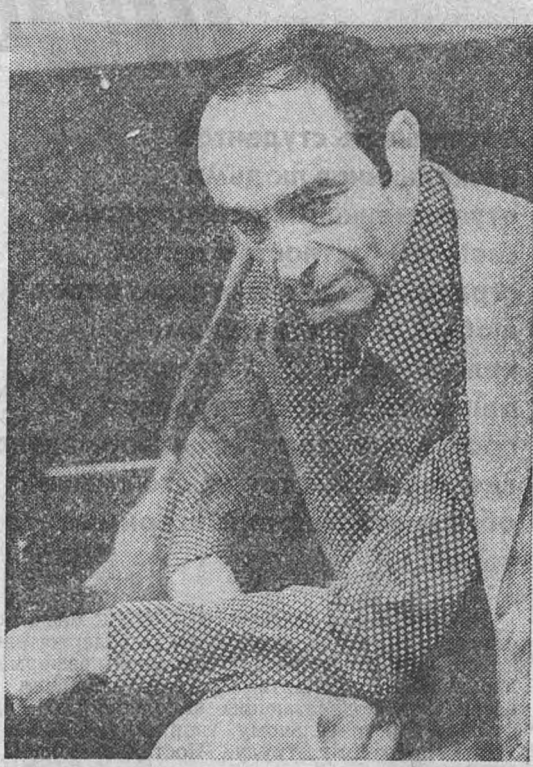

Жесткий...

добрый

человек

Когда мне предоставилась возможность написать о Валентине Гафте, я очень обрадовалась, но вскоре поняла, что задача эта не из легких. В его жизни нет ничего регулярного, ничего кругообразного, симметричного. Он увлекается и разочаровывается.

Гафта невозможно предугадать, понять, что он сделает в следующую секунду. Но при всех загадках есть одно, явное — он талантливая личность, талантливый во всех своих проявлениях человек. Кем бы ни был Гафт — он не мог бы быть незначительной фигурой. Он крупный человек — по уму, по оригинальности характера.

Гафт стал тем, кем он не мог не стать, — актером в самом глубоком и истинном значении этого слова. Актер — натурой, актер — творчеством, актер — литературой, актер — мировоззрением и мироощущением. Неудобный, трудноисследуемый, не поддающийся никакому анализу. Он жесткий... добрый человек, как это ни парадоксально. Надо проникнуть внутрь его добрых глаз, чтобы понять, почему этот человек пишет эпиграммы, а не эпитафии. Ведь только бесконечно добрые люди могут так зло реагировать на зло, давать такие сердитые оценки, какие мы видим в его эпиграммах, уметь смеяться над собой.

Не найдется, мне кажется, ни одного человека, который бы стал отрицать интереснейшее на театре явление — талант Гафта. Его ум сказывается в толковании ролей. Художественный такт и вкус — в безошибочной верности сценического рисунка. Я много работала с Гафтом как режиссер. Репетируя, он вдруг рождает словесный или зрительный образ. Самое незначительное для другого явление для него может стать импульсом к проникновению в сцену, к вживанию в роль. Помню, когда мы репетировали «Вишневый сад», Валя, исполняя роль Фирса, вспомнил, что однажды видел собаку, которая кругами ходила по пустырю вокруг снесенного дома, ждала своих хозяев. К каждой роли Гафт идет через свои ассоциации, через свое знание жизни. Без абсолютной веры в то, что он и его партнеры делают на сцене, невозможен театр Гафта, ибо без этого не возникнет та вольтова дуга, которая и рождает чудо театра.

Гафту понятна и доступна высокая миссия проникновения в человеческий характер, его психологию, разум. И это дается ему не актерским умением, не набором приемов и средств, а полной независимостью от канонов и штампов, душевным эмоциональным богатством, высокоразвитым ассоциативным мышлением, которые помогают ему найти в себе отклик на ту или иную заданную ситуацию образа, роли, чтобы создать на сцене живого человека и живую жизнь.

Я часто думаю о том, что, наверное, первым словом у такого противоречивого, недовольного собой человека было «нет». Он первоначально все отвергает: в работе, в жизни, чтобы через это отрицание в результате прийти к утверждению. И «да» Гафта всегда значительно и весомо.

Он поменял много театров, играл разные роли. Однажды, в начале своего творческого пути, даже играл где-то пятого рака. Теперь он Вершинин и Джордж, Горелов и Фирс, Людовик и Городничий. С 1969 года он в «Современнике». Он нашел свой театр, театр нашел его. Сказать, что здесь Гафта уважают, — мало, любят — не точно. Его уважают, иногда любят, иногда нет, им гордятся. Подобные чувства может вызвать только такой человек, каким мы все знаем Валентина Гафта.

Театр — это его постоянная квартира, где на стенке висит расписание репетиций, на которые нужно приходить без опоздания (а он все равно часто опаздывает), где необходимо соблюдать творческие партнерские отношения с коллегами, где каждый вечер выходить на сцену, чтобы стать частью ансамбля, отстаивающего свое мировоззрение, свою гражданскую позицию, за которой — твой театр, твоя страна.

Галина ВОЛЧЕК,

народная артистка РСФСР, лауреат Государственной премии СССР, главный режиссер московского театра «Современник».

● Народный артист РСФСР В. Гафт.

Фото В. Христофорова [ТАСС].